ГЕОРГИЙ МОТОВИЛОВ: «ШКОЛА МОЯ, НАВЕРНОЕ, ОСТАНЕТСЯ»

В 1957 году я перевелся из Ленинграда на 2-й курс скульптурного отделения столичного Строгановского училища. Это было особое время Строгановки. На отделении живописи главной фигурой был Сергей Васильевич Герасимов, а на скульптуре - Екатерина Владимировна Белашова и Георгий Иванович Мотовилов. Скульптуру также преподавали Гаврила Александрович Шульц и Саул Львович Рабинович.

Мы, второкурсники, ужасно волновались, когда эти корифеи приходили к нам на просмотры. Это было величайшим событием, ни с чем несравнимым. «В Африке Саулы, в Африке Гаврилы, в Африке большие, злые Мотовилы» - так забавно перефразировались известные стихи Корнея Чуковского. Когда мы перешли на-й 3 курс, выяснилось, что нас принял сам Георгий Иванович, причем ассистентами оказались Гаврила Александрович и Саул Львович. Эта блестящая триада вела нас до самого конца учебы.

Саул Львович, вальяжный, умный, ироничный, был очень образованным художником и замечательным педагогом. Пожив 20 лет в Париже, будучи лично знаком с Деспио и Бурделем, блестяще говоря по-французски, он казался нам живой легендой.

В эпоху очень тяжелую, удушливую (ведь только несколько лет назад умер Сталин), когда еще продолжалась борьба с формализмом и низкопоклонством перед Западом, когда единственно верным направлением провозглашалось передвижничество, имена Родена, Бурделя, Деспио были полузапрещенными. Однако, мы тогда уже понимали, что это великие имена, и видеть живого человека, который был с ними знаком, для нас значило очень много. С неизменной сигаретой «Галуаз» (каким-то образом ему привозили из Парижа) Саул Львович, очень кратко, но абсолютно точно формулируя свою мысль, делал необходимые замечания по поводу наших студенческих работ. Некоторые из этих высказываний я запомнил на всю жизнь и до сих пор удивляюсь их точности.

Гаврила Александрович мало говорил о работах. Обычно подходил к студенческому этюду и в несколько прикосновений своими чуткими руками превращал тупую студенческую работу в живую пластику. Я мало знаю скульпторов с таким ощущением живой трепетной формы, каким обладал Шульц. Это был скульптор милостью Божией, наделенный пластическим талантом, так как бывает наделен музыкант абсолютным слухом.

Они замечательно дополняли друг друга – Шульц и Рабинович, но безраздельно царствовал над всем в годы нашей учебы Георгий Иванович Мотовилов. Сейчас, по прошествии времени, понимаешь, какая это была огромная фигура, удивительная творческая личность, так до конца и не

понятая, но масштабно и мощно реализованная в разных видах творчества: в памятниках, монументальных рельефах, портретах, камерной пластике.

Поразительно то, что, не имея систематического художественного образования, Мотовилов проник в глубочаюшую внутреннюю сущность вещей в искусстве, проник так, как мало кто. Он и пытался нам донести это свое понимание до нас. К сожалению, то, что старался нам открыть Георгий Иванович, часто проходило мимо нас в силу нашей неготовности освоить его мысли, и только с годами стало понятно, насколько они были глубокими и верными.

Георгий Иванович, как и его отец – главный хирург Екатерининской больницы на Петровке, - получил медицинское образование. В качестве военного врача он принимал участие в Первой мировой войне.

Он занимался скульптурой в мастерской замечательного скульптора С. Волнухина (автора московского памятника первопечатнику Ивану Федорову), а позже после революции, во ВХУТЕМАСе у С. Конёнкова. И это все, но этого оказалось достаточно. Вообще, мне кажется, что талант выбирает самый краткий и верный путь в лабиринте познания, не отвлекаясь на боковые тупиковые ходы. Мотовилов не отвлекался.

Не буду говорить специально о том огромном творческом наследии Георгия Ивановича, которого хватило бы на несколько крупных художников. Он оказался востребованным как скульптор-монументалист, когда революционный конструктивизм сменился «сталинским ампиром».

К этому времени была практически полностью уничтожена традиция русской монументальной скульптуры великих художников 19-го века. Козловского, Демут-Малиновского, Мартоса, Витали и других. Никто ничего не умел делать в этом смысле, продолжать, развивать эту плодотворную пластическую традицию. Академия не относилась серьезно к каким-то декоративным композициям. Это было вне сферы ее внимания. Поэтому совсем не удивительно, что такой блестящий профессор, как Мотовилов, никогда не был членом Академии художеств.

Однако это стечение обстоятельств дало возможность Мотовилову довольно свободно творить и развивать свои творческие и философские идеи. Уничтожая Александра Терентьевича Матвеева, чье творчество было объявлено вредоносным формализмом, идеологи социалистического реализма не разглядели в работах Мотовилова того самого, с их точки зрения, очень опасного формализма, за который поплатился Матвеев, да и не он один. А Мотовилов в это время развивал традиции большого искусства, без которых оно просто исчезает.

Он говорил нам, студентам, о внутренней структурной решетке вещи, об элементах, составляющих композицию, о сочетании разновеликих объемов в пространстве, о пестроте и глади, о строе диагоналей, вертикалей и горизонталей. Он говорил о таких важных компонентах произведения, как ритм и счет (численное соотношение равных масс, например, в равновесной композиции).

Будучи художником по своей сути, то есть, мысля пластическими категориями, Георгий Иванович очень мало уделял внимания опосредованной литературной стороне дела. Так, я помню, как на учебном рельефе он вдруг повесил одной согнутой фигуре на спину рюкзак, которого по литературному смыслу там не должно было быть. Но, он этот рюкзак, был необходим для композиции рельефа, а все остальное было не важно. И вещь вдруг неожиданно приобрела пластический смысл

В то же время Георгий Иванович был человеком, литературно очень образованным, наизусть читавшим огромное количество стихов, прекрасно знавшим историю. Для нас, людей, воспитание которых определялось временем, в которое мы жили (целого ряда вещей нам знать считалось, как бы и не положено), - это было очень важно.

Георгия Ивановича можно было назвать истинным воспитателем. Он нас образовывал, старался сделать из нас художников-интеллигентов, не только прививая конкретные знания и вкус, но и воздействуя на нас нравственно. Я помню, как он рассказал одну историю со слов Саула Львовича. Работая в Париже для заработка, Саул Львович делал какую-то «халтуру». Однажды в мастерскую зашел неожиданно Деспио. Увидев, чем занимается Рабинович, Деспио очень рассердился. Оправдываясь, Саул Львович сказал, что ему надо заработать на жизнь. Деспио на это ответил: «А вы не продавайтесь».

Вот этот рассказ о бескомпромиссности художника произвел на меня очень большое впечатление. Это был нравственный пример. И это было созвучно творчеству самого Мотовилова. Он сам никогда не продавался, в том смысле, что не изменял своим пластическим убеждениям, своим, если хотите, принципам и совершенно последовательно воплощал их в своих работах. Один из блистательных рельефов - на фасаде станции метро «Парк культуры». И другие замечательно выполненные рельефные сюжеты, по общему мнению, украсившие Московское метро.

Мне кажется, что Георгий Иванович очень тяготился тем, что его творчество и его мысли не были в достаточной степени поняты в его время. К сожалению, они не очень-то понятны и сейчас, а дальше, боюсь, будет хуже, ибо кризис мирового искусства, как мне кажется, только усугубляется. Традиция, профессионализм, понятие ремесла, наконец – перестает быть важным, что очень прискорбно и разрушительно для искусства.

Как-то в грустную минуту Георгий Иванович сказал: «Не знаю, реализовался ли я как скульптор, но школа моя, наверное, останется». Ну, в том, что он реализовался - сомнений нет. А вот школа Мотовилова может существовать лишь при определенном уровне понимания. Ведь, чтобы воспринимать его идеи, надо обладать способностью их воспринимать. Не хочется, однако, заканчивать эти строки на такой печальной ноте. Надежда, как говорится, умирает последней. Надеюсь, что искусство вечно, бессмертно, что после падений обязательно будут взлеты, что в том или ином виде школа Мотовилова возродится, ибо вещи, о которых говорил Георгий Иванович, не выдуманы, они существуют, как законы природы. И от них никуда не денешься.

А. СЕМЫНИН
(Текст «Школа культуры и мастерства», журнал «Юный художник», 8/2003)